

Россия на Востоке

Алексей Маслов

Доктор исторических наук, профессор, директор.
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

E-mail: amaslov@iaas.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отношений России и Востока в истории и современности. В работе дается подробный исторический очерк восточного направления российской политики – в плане как присоединения восточных земель к Российскому государству, так и выстраивания торговых, дипломатических, политических отношений с восточными странами, в первую очередь – с Китаем и Японией. Рассматривается восприятие Востока российскими интеллектуалами XVIII–XX веков, в том числе в плане осознания российской идентичности. Анализируются современные отношения России и Востока, в частности, отношения с КНР. Делается вывод о том, что для успешного развития восточного направления политики должно произойти осознание глубочайшей самобытности российской культуры, необходимое для того, чтобы видеть в Востоке не «чужого» или, наоборот, «похожего», а огромное разнообразие самых разных культур, подходов и экономик, к которым надо подходить рационально, отстаивая национальные интересы и учась поддерживать равный и взаимовыгодный диалог.

Ключевые слова: Россия, Восток, история России, востоковедение, Китай

Для цитирования: Маслов А. А. (2024). Россия на Востоке // *Patria*. Т. 1. № 3. С. 52–74.

Восток в повседневном сознании

Восток в российском повседневном сознании, в политических и экономических доктринах всегда занимал большое место. При этом Россия всегда психологически помещала себя на «западе», и несмотря на огромную часть территории, лежащую на востоке, никогда не позиционировал себя как азиатская или «восточная» держава, хотя споры об «азиатской» компоненте в российских традициях неоднократно возникали в XIX и XX веках. Однако к настоящему моменту возобладала точка зрения, что несмотря на многочисленные заимствования из цивилизаций и культур разных народов российская культура и все ее компоненты представляют собой самобытную цивилизацию, несводимую ни к «западу», ни к «востоку».

Тем не менее, Россия всегда смотрела на обобщенный Восток – прежде всего, на Азию и Ближний Восток – как на нечто «неродное», но крайне необходимое для обретения идентичности через осознание «чужого», но тем не менее близкого и необходимого. И самое большое территориальное развитие России происходило именно по восточному вектору, где российская геополитика соприкасалась сначала с народами нынешней азиатской части России, а затем с Китаем, Японией, Кореей, Индией, а за морями – и со странами юго-восточной Азии. Восток нужен был как для развития торговли, приращения земель, так и для обретения собственной идентичности через осознания «чужого», через отрицание собственных нормативов культуры и традиций. И здесь путешествия и записки таких землепроходцев как Афанасий Никитин (XV век), Ермак Тимофеевич (1532–1582) и Ерофей Хабаров (1608–1671), видных ученых-китаеведов и сотрудников русской духовной миссии в Китае И. К. Рассохина (1707–1761), А. Л. Леон-

тьева (1716–1786), Иакинфа Бичурина (1777–1853), начальника русской православной миссии в Японии Николая (Касаткина) (1861/1870–1912) и многих других являют собой яркий пример идеи роста России на Восток. И если Ближний Восток, прежде всего мусульманские страны, для России были торговыми или политическими партнерами/соперниками, то обобщенный Дальний Восток – местом цивилизационного освоения и приращения территорий.

Граница с «востоком»

Продвижение России на Восток было частью значительно более глобальных процессов, которые происходили в мире. На западном направлении Россия к петровским временам выстроила весьма гибкую политику, сложную систему альянсов, военных операций и многосторонних отношений. Азиатское направление было куда менее развито. И если на западном направлении Россия географически «уперлась» в уже устоявшиеся государства и альянсы, восточное направление открывало большие перспективы, а потому с XVI века Россия активно развивается по «восточному вектору». Существовал еще и южный (формально юго-западный) вектор – взаимодействие с государствами арабского мира.

«Восток» начинался в ту пору отнюдь не там, где мы сегодня его представляем, – не с Китая, Японии или Кореи. Он пролегал значительно ближе и затрагивал множество народов, проживавших к востоку от уральских гор, и в этом смысле российская геостратегия пролегла через земли, уже заселенные различными народами самобытной культуры. Культурные обмены были весьма высоки, то есть никакой культурно-этнической изоляции не существовало. Формально «восток» начинался к востоку от Уральских гор, но резкого перепада между «западом» и «востоком» не существовало, к тому же зоны тундры, леса и степи простираются по обе стороны от уральской возвышенности. Урал не мог являться и барьером для передвижения народов или передачи культур, так как между южной оконечностью возвышенности и Каспийским морем открывается равнина – по сути большой проход, обеспечивающий легкое передвижение в обоих направлениях. И хотя на старых картах нередко рисовалась сплошная гряда гор, в действительности Урал не мешал кочевым миграциям проникать через этот разрыв. Исторически культурно-хозяйственные обмены начались весьма давно, например, еще в XIX веке уральская гряда не мешала группам новгородских добытчиков пушнины и торговцев регулярно пересекать Сибирь.

Границы «запада» и «востока» и, как следствие, «азиатского» населения России были достаточно условны, что также связано с особенностями исторического формирования «восточной идентичности».

Например, к западу от Урала проживало значительное «азиатское» население, которое после распада Великой Монгольской империи было сосредоточено прежде всего в Казанском, Астраханском и Крымском ханствах. В верховьях Волги и Камы проживало множество татар и башкир, принявших ислам, чувашей, а также финно-угорских марийцев, мордвы

и удмуртов, частично исповедовавших анимизм. Несмотря на завоевания в XVI веке, население Казанского и Астраханского ханств не было полностью ассимилировано, хотя на обращение их в православие были направлены значительные усилия

Южная граница Европейской части России и Азии представляла собой такую же проблему определения «европейского» и «не-европейского» населения России, как и восточная граница. После завоевания Южного Кавказа Кавказские горы служили некой «южной границей», но это оставило христианское армянское и грузинское население за пределами Европы, в то время как ногайцы, кабардинцы и другие азиатские народы оказались в Европе. Официально правительство признавало две границы с Азией: внутреннюю – по традиционным линиям Уральских и Кавказских гор – и внешнюю – по международным соглашениям с Османской империей, с Каджраским Ираном, Афганистаном и Цинским Китаем.

Восточный вектор российской политики

Российская политика в отношении продвижения на восток становится все более активной, начиная с XVI века, в результате чего и происходит в конечном счете соприкосновение с китайской империей Цин вдоль Амура и с Японией через море. Но этому простествовал долгий этап завоевания сибирских и дальневосточных земель, присоединения их к Российской империи.

Здесь можно выделить несколько этапов. Проникновение русских в лесную зону Предуралья и Сибири, в отличие от других районов, было обусловлено в первую очередь экономическими факторами. В XV веке земли за Уралом были хорошо известны охотникам из Новгорода и Москвы, которые заходили сюда в поисках ценных мехов, прежде всего соболя. Торговля пушниной вскоре привела к культурному конфликту с местным населением. Начиная с 1483 года, московский князь впервые попытался рассматривать сбор мехов как дань (ясак), в то время как племенные вожди считали это формой бартера. Несмотря на различия в восприятии, порой приводившие к жестоким столкновениям, московское правительство расширяло свои экспедиции. Однако прежде, чем в полной мере использовать богатства Сибири, необходимо было устранить серьезную преграду на пути продвижения на восток, которую представляло собой татарское мусульманское Казанское ханство, одно из нескольких наследников Великой Монгольской империи. Хотя Иван IV рассматривал свою кампанию против Казани как христианский поход, в составе московских войск было много татар, а союз Ивана с другими мусульманскими группами, такими как ногайские кочевники и Крымское ханство, усложнил картину. Активное освоение Сибири началось после падения Казани в середине 1550-х годов. К XVII веку меха составляли 10% доходов московского правительства.

Сибирское ханство было последним из организованных препятствий на пути на восток. Иван IV даровал Строгановым, богатой семье промышленников, привилегии и земли за Уралом – один из немногих слу-

чаев, когда государство доверило частным предпринимателям задачу расширения царства. Они наняли небольшой отряд казаков под предводительством Ермака, вольного казака с Дона. В 1581–1585 годах Ермак предпринимает несколько походов в Сибирь, открывая новые пути и основывая несколько поселений. Вооруженные огнестрельным оружием, они разгромили большие армии сибирского хана, вооруженные только луками и стрелами. Но вскоре Ермак и его отряд были убиты. Затяжная борьба за покорение Сибири велась регулярными войсками Москвы в союзе с русскими крестьянами-переселенцами.

Новый виток интереса к дальневосточным и сибирским землям возникает в период царствования Михаила Федоровича Романова (1613–1645). В 1632 году Петр Бекетов основывает Якутский острог, а Иван Москвитин в 1632–1639 годах предпринимает поход к берегам Охотского моря, выходит к Охотскому (Ламскому) морю в районе устья реки Ульи. Здесь был поставлен первый острог – «зимовье с острожком». В 1643–1653 годы экспедиция под руководством Василия Пояркова отправляется по Амуру, открывает множество народов совершает трехмесячное плавание вдоль юго-западных берегов Охотского моря от устья Амура до устья Ульи. А уже позже, воспользовавшись сведениями Пояркова, в 1649–1653 годы Ерофей Хабаров отправляется с экспедициями по Амуру. Семен Иванович Дежнев (1605–1673) проплыл от устья Колымы в Тихий Океан, обогнул Чукотский полуостров, открыв пролив между Азией и Америкой.

К середине XVII столетия Россия, присоединила уже большую часть Сибири и достигла берегов Охотского моря. К этому же периоду относят и первые контакты России с Китаем – тогда империей Цин, управляемой маньчжурами, – и Японией. С этого момента Россия тщательно, хотя и не всегда безошибочно, выстраивала отношения со странами Восточной Азии.

Соприкосновение с Китаем и знакомство с Японией

Формально первые контакты между Россией и Китаем относятся к XIII–XIV векам, ко временам правления в Китае монгольской династии Юань, хотя не исключено, что русские путешественники и раньше приходили на китайские земли. На фарфоровых расписных статиках династии Тан можно встретить изображения людей, одетых в шапки и одежды, похожие на русские, но прямых подтверждений, что это были русские посланники, мы не имеем. Тем не менее, отправляя в поход на запад в 1236 году Субэдэйбагатура, Чингисхан в числе стран, которые тому предстояло покорить, указал и страну «Оросат» (Русь). А в качестве пункта, до которого надлежало дойти монгольскому войску, им был назван «город Хий-э, обнесенный стеной» (Киев). Очевидно, что сведения о Руси, как и о славянах Восточной и Юго-Восточной Европы, доходили до столиц китайских и некитайских империй, сменявших одна другую на просторах Восточной Азии.

Уже в «Истории династии Юань» говорится, что в 1329 году некие взятые в плен русские обороняли границы, а также занимались обработкой

земли в качестве военных поселенцев. Из русских был составлен так называемый «Охранный русский полк, прославившийся верноподданностью». По данным китайских источников, русское поселение в Пекине в этот период насчитывало несколько тысяч человек. Тем не менее это было соприкосновение народа, не государств.

Само слов «Китай» приходит в русский язык скорее всего от контактов с империей Ляо (907–1218), граничившей со Срединным государством, основанной полукочевыми племенами киданей на территории Маньчжурии и севера Корейского полуострова.

Основа российско-китайских отношений была заложена благодаря взаимным торговым интересам. В 1618 году царь Михаил Федорович направляет ко двору китайского императора официальную миссию во главе с томским казаком Иваном Петлиным. Из-за протокольных разногласий с Цинским двором миссия эта не привела к установлению регулярной торговли с Китаем, однако ценнейшая информация о Срединном государстве, а также описание сухопутного пути в Китай, содержавшееся в составленном Петлиным отчете «Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам», стали ценнейшим источником о жизни Китая того времени.

В 1650–1680-е годы разворачивается ряд русско-китайских (формально – между Россией и империей Цин, у власти в которой находились маньчжуры) пограничных конфликтов, связанных с борьбой за контроль над Приамурьем. Этому предшествовал приход русских служивых людей в этот район, а с 1649 года русские начали облагать данью (ясак) местные народы (тунгусов, дауров, дючеров, гогулей, ачанов, гиляков). Китай же считал их своими поданными.

Русские отряды создают в этом районе несколько стабильных поселений, в том числе Албазин и Нерчинск. В 1649–1650 годах в район верхнего течения Амура приходит отряд Е. П. Хабарова и основывает зимовье напротив даурского укрепленного городка Албазин, а в 1651 году захватывает Албазин. Маньчжуры послали отряд на защиту этих территорий, однако потерпели поражение: русские потеряли 10 человек убитыми и 78 ранеными, китайцы – 676 человек.

Таким образом в 1660-е годы состоялось присоединение к России Забайкалья и Приамурья. Вскоре в этот же район из Забайкалья приходят другие отряды казаков, в том числе во главе с землепроходцем Петром Бекетовым – основателем Нерчинска, Читы, Якутска и ряда других городов. А в 1682 году было учреждено Албазинское воеводство, в Албазин официально был назначен воевода. Китайская сторона считала, что Албазин и Нерчинск находятся на китайских землях, при этом никаких карт и системы разграничения территории в соответствии с договорами к тому времени не существовало. В 1685 году начинается первая осада Албазина, в 1688 году – вторая. В июне 1685 года цинские войска осадили Албазин, город неоднократно уничтожался китайскими войсками, но русские отстаивали крепость заново, отбивали многочисленные атаки, пока не кончились запасы и не началась цинга. После переговоров в мае

1687 года осада Албазина была снята. По итогам этих событий был подписан в 1689 году первый русско-китайский договор – Нерчинский договор, он установил границу между государствами, порядок торговли и разрешения споров. В результате договора Россия отказалась от претензий на значительные территории южнее Амура. Одна из статей требовала от русских разорить город Албазин, при этом обеим сторонам запрещалось принимать перебежчиков через границу. При этом разрешалась торговля подданных сторон, закреплялась свобода перемещения всем людям с проезжими грамотами. За совершение разбоя или убийства подданными, перешедшими границу, вводилась высылка и наказание.

В этот период как минимум два русских посольства побывали в Китае. В 1654–1657 годы посольство Федора Байкова так и не сумело договориться о развитии отношений с империей Цин. Неудачей закончилась и посольство Николая Спафария в 1675–1678 годах, а Китай по-прежнему отказывался признавать русские поселения в Приамурье.

Параллельно с этим продолжалось освоение сибирских и дальневосточных земель. Весной 1697 года якутский казак и русский землепроходец Владимир Васильевич Атласов (1661/1664–1711) во главе отряда из 120 человек предпринял поход на оленях на юг от Анадырского острога через Корякский хребет; обогнув восточное и западное побережье Камчатки, отряд отправился к южной оконечности Камчатки. В результате был основан Верхнекамчатский острог на реке Камчатке, а Атласов имел возможность наблюдать неизвестные ранее Курильские острова. К 1700 году Атласов, прибыв в Якутский острог, составляет обширное описание увиденного, в том числе и Камчатских земель, составляя первую карту. Продвижение на восток было делом нелегким и опасным – нередко происходили столкновения между местным населением и казаками, которые продвигались по новым землям, к тому же случались и конфликты, и грабежи между сами переселенцами. В 1701 году Атласов был арестован и заточен в якутскую тюрьму за то, что напал на «дощаник» – плоскодонную торговую лодку одного из купцов и разграбил китайские товары. Практически в то же время на Камчатке коряки подняли бунт против местных «прикащиков», поубивав их, а ительмены уничтожили Верхнекамчатский острог – Атласова выпустили из тюрьмы и показали навести порядок. Но против него взбунтовались свои же казаки, привыкшие к вольной жизни, и после серии конфликтов он был убит. На посту приказчика его сменил один из открывателей Камчатки Данила Анциферов, который сам в 1712 году был убит камчадалами и сожжен ими.

В 1701 году состоялась и первая встреча русских во главе с Атласовым с одним из потерпевших кораблекрушение японцев («пленным индейцем») – так Россия узнала о существовании Японии. Сам японец, которого именовали «Апонского государства татарин именем Денбей», оказался из Осаки и был Атласовым доставлен в Москву. Там он получил аудиенцию у Петра I, после которой в 1707 году император приказал открыть в Санкт-Петербурге школу японского языка, а Дэмбэя назначить ее учителем. Все это положило начало росту интереса России не только к Китаю, но и к Японии.

Восточная политика XVIII века

В XVIII веке движение России на Восток стало еще более активным – создавались новые поселения, города и открывались новые пути. В 1708 году учреждается Сибирская губерния с центром в Тобольске. В 1725–1730 годы предпринимается первая, а в 1733–1743 годы – вторая Камчатские экспедиции под руководством Витуса Беринга, который прошел по проливу между Чукоткой и Аляской (впоследствии Берингов пролив), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды.

Открываются и новые торговые компании. Так, на период 1799–1868 годов приходится основная активность Российско-Американской компании, которая прокладывала новые торговые пути в Азии.

Тем не менее, заселение Сибири и Дальнего Востока шло медленно на протяжении всего XVII века, набрав обороты только в конце XIX века. По приблизительным оценкам, в конце XVII века в Сибирь переселилось около 100 тысяч русских и некоторых иностранцев. Коренное население, которого почти чем в два раза больше, было сильно разрознено, здесь проживало около 500 племенных групп, говоривших на 120 языках. Миграция из западной части во многом поддерживалась государством и частично финансировалась государственными органами, но были и стихийные, самостоятельные переселенцы, искавшие лучшей жизни. Как следствие, большинство новоприбывших были государственными крестьянами, переселенными правительством, значительно меньшую долю составляли церковные крестьяне, беглые и ссыльные крепостные, а также старообрядцы, пытавшиеся избежать конфликтов в центральной части России. И вскоре именно старообрядцы во многих сибирских городах и поселениях Дальнего Востока становятся самыми успешными предпринимателями и хозяйственниками. К 1762 году общая численность населения удвоилась, при этом, хотя численность коренного населения оставалась неизменной вплоть до XIX века и составляла около пяти миллионов человек, его доля в общей численности населения снизилась до 14%.

В 1822 году Сибирь была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства, что способствовало созданию новых хозяйственных поселений. В 1844–1861 годы предпринимается первая научная экспедиция в Приамурье под руководством непрямого секретаря Петербургской академии наук, академика, географа, зоолога и натуралиста Александра Федоровича Миддендорфа.

Создание Министерства государственных имуществ в 1837 году открыло новый этап восточной политики, связанный с его первым министром, графом П. Д. Киселевым, выдающимся военным офицером, который организовал реформу княжеств Молдавии и Валахии на западной дунайской границе России. Первоначально основанием для организации более систематического заселения Западной Сибири было давление на земли в Европейской части России и необходимость улучшения благосостояния государственных крестьян. За время его правления в Западной Сибири было переселено около 189 тысяч государственных крестьян. Но первое серьезное предложение связать колонизацию Восточной Сибири с

азиатской политикой появилось в виде секретной записки губернатора Восточной Сибири в 1846 году. Он подчеркнул, что упадок Китая (а на тот момент Китай уже проиграл первую Опиумную войну британцам) и растущее давление морских держав на Китай и Японию указывают на необходимость укрепления позиций России на Тихом океане. Он рекомендовал переселить 150 тысяч русских государственных крестьян вдоль китайской границы. Хотя Киселев был настроен скептически, а многие препятствия делали это предложение весьма спорным, родилась идея, которая полностью расцвела полвека спустя при Сергее Витте.

Параллельно с административной реформой правительство и Православная церковь начали амбициозную политику обращения в христианство местных племен по обе стороны Урала. Первая систематическая кампания по обращению покоренного населения была предпринята Иваном IV после завоевания Казани. Хотя на мусульманских татар и башкир оказывалось давление, Иван предпочитал более тонкие меры по завоеванию татарской правящей элиты путем раздачи материальных наград и привилегий, включая дворянские титулы, и разрешения браков с русскими знатными семьями. В условиях низкой реакции остального населения давление и наказания усиливались, достигнув своего апогея в период между 1740 и 1764 годами, когда правительство начало свою самую жестокую кампанию по обращению татар в Казани под эгидой недавно созданного Агентства по делам обращенных. Мечети сжигались, а среди татар нарастало сопротивление. Легче оказалось завоевать анимистов, которые составляли подавляющее большинство из ста тысяч новообращенных, на которых претендовала церковь. Екатерина Великая положила конец этой политике. Отменив Агентство, она открыла самый терпимый период в отношениях России с коренными народами империи с XVI века. Привлечение новообращенных на государственную службу принимало различные формы. Среди башкир были сформированы отдельные воинские части иррегулярной кавалерии, которые с особым отличием служили во время наполеоновских войн. Новообращенные волжские татары играли важную роль в создании школ, а позднее, после покорения Закаспийских ханств Бухары и Хивы, работали в качестве переводчиков. И в этом аспекте этническая или расовая сегрегация была гораздо меньшим культурным маркером в российской социальной жизни, особенно среди высших классов, чем среди британских и французских колонизаторов.

Торговля и дипломатия на Дальнем Востоке

Если отношения с Китаем варьировались от военных столкновений до развития новых торговых точек, то Япония в силу своей отдаленности от России была значительно более закрытой страной, к тому же японские власти придерживались политики самоизоляции и практически не пускали иностранцев к себе. Тем не менее далекая Япония заинтересовала русские власти, но ни ее точное расположение, ни тем более уровень развития не были к тому времени ясны, поэтому было решено найти морской путь к Японии. В 1739 году корабли российского мореплавателя датского

происхождения Мартына Шпанберга и английского происхождения Вильяма Вальтона подошли к берегам провинций Рикудзэн и Ава. Русские расплачивались с местным населением русскими серебряными монетами, а голландцы, которые тогда уже находились в Японии, объяснили местному руководству (бакуфу), что происходят эти монеты из России – так Япония узнала о существовании на севере от японских островов страны «Оросия».

Российские власти решили послать в Японию с дипломатической миссией Николая Резанова (1764–1807), который в 1804 году на корабле «Надежда» с повадками для японских правителей прибыл в Нагасаки. И хотя самого Резанова встретили с почетом и поселили на берегу, выходить за пределы дома ему было запрещено. К тому же японские власти после долгого ожидания ответили отказом – они сообщили, что с Россией торговать не желают, посольство принять не могут, и оскорбительно вернули подарки. По некоторым сведениям, во время аудиенции русскому послу было отказано даже в стуле, и он должен был стоять без шпаги и босиком. Посольство вернулось в Петропавловск, а разъяренный Резанов решил принудить японские власти к установлению отношений с Россией силой. По приказу Резанова в 1806–1807 годы были разорены японские фактории на Сахалине и острове Итуруп, а также сожжено четыре японских судна и уничтожен сторожевой пост на острове Рисири. Японским властям был направлен ультиматум, однако вопреки ожиданиям японская сторона лишь усилила свое военное присутствие на Хоккайдо, Итуруп и Кунашира, а в 1811 году на Кунашире были захвачены российский мореплаватель Василий Михайлович Головин, два его офицера и четыре матроса – это был ответ японских властей на бесчинства. Страны оказались на пороге войны. Однако в переговоры с японской стороной вступил российский адмирал, опытный дипломат и ученый Петр Иванович Рикорд (1776–1855) – он трижды плавал к японским берегам, установил хорошие отношения с некоторыми видными японцами и путем мирных переговоров добился в 1813 году освобождения Головина, а действия офицеров Резанова были признаны русскими властями самовольными. Позже Рикорд был назначен начальником Камчатки и многое сделал для развития этого края. Камергер Резанов за свои ошибки был отстранен от многих проектов и был послан с инспекцией русских поселений на Аляске, а увидев, в каком ужасном состоянии они находятся, решил привозить продукты из Калифорнии, которая тогда принадлежала испанцам. Там в Калифорнии 42-летний Резанов познакомился с юной дочерью коменданта Сан-Франциско и сделал ей предложение руки и сердца. Этот сюжет лег в основу поэмы Андрея Вознесенского «Авось» и рок-оперы «Юнона и Авось».

В 1855 году благодаря усилиям миссии адмирала Евфимия Васильевича Путятина (1803–1883) удалось наладить регулярные отношения с Японией. Путятин выдвинул план скорейшего укрепления позиций России на Тихом океане, что было связано с тем, что из Америки в Японию отплывала экспедиция под командованием Мэтью Перми, которому под дулом корабельным орудий удалось «взломать» японскую самоизоляцию. Россия рисковала потерять преимущества развития торговли с Японией.

Экспедиция Путятина на фрегате «Паллада» прибыла в Нагасаки в августе 1853 г, на месяц позже, чем корабли командора Перри. Путятин, однако, сумел продемонстрировать японцам действующий макет железной дороги (потом на этой основе был создан первый японский паровоз), однако переговоры затягивались, и Путятин, воспользовавшись паузой, отправился на «Палладе» и шхуне «Восток» на Филиппины в Манилу, затем в Корею, а в конце 1854 вернулся в японский порт Симода. В результате путешествия были составлены новые карты и открыт залив Посьет, Ольги и острова Римского-Корсакова – сегодня это часть Приморского края.

После нескольких раундов непростых переговоров в городе Симода 26 января (7 февраля) в храме Гекусэндзи был подписан первый договор о дружбе и торговле между Россией и Японией; он стал известен как Симодский трактат. Согласно ему, между двумя странами устанавливались дипломатические отношения. Развивалась и торговля: для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки и Симода, где разрешались торговые сделки в ограниченных размерах и под присмотром японских чиновников. Японии отходила часть Курильских островов: Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи. Сахалин объявлялся неразделенной демилитаризованной зоной.

Таким образом дипломатические и торговые отношения между двумя империями были установлены с 1855 года. В 1858 году в Японии было открыто российское дипломатическое представительство, а в 1870 году была учреждена Русская духовная миссия в Японии.

В 1867 году между Японией и Россией было заключено соглашение о совместном освоении Сахалина, а в 1875 году между Российской империей и Японией был заключен Санкт-Петербургский договор, по которому Сахалин признавался российским, а Японии передавались северные Курильские острова. До начала 1890-х отношения России с Японией развивались в дружеском русле. И даже когда во время визита в Японию в 1891 году в городе Оцу было совершено покушение на цесаревича Николая Александровича (будущий Николай II) одним из фанатиков, выступавшим против «европейской экспансии», это не изменило дружеского характера отношений. К тому же император Мэйдзи навестил Николая и принес ему извинения.

Россия продолжала выстраивать отношения с Китаем, хотя в ту пору они были далеки от приоритетных. В 1731 году в Санкт-Петербург прибыло первое китайское посольство, параллельно с этим развивалась и трансграничная торговля с Китаем.

Важную роль сыграл Кяхтинский договор о разграничении и торговле между Российской империей и империей Цин, подписанный в 1727 году. Он давал возможность России вести торговлю в Пекине путем отправки раз в 3 года каравана численностью не более 200 человек и открывал беспоплаченную пограничную торговлю в Кяхте и Цурухайтуйе, что способствовало значительному росту объема торговли между двумя странами.

По договору приобретала официальный статус и Русская духовная миссия в Пекине (в действительности, она возникла раньше), 6 из 10 членов которой изучали китайский и маньчжурский языки. Кяхтинский до-

говор закрепил за Русской духовной миссией в Пекине право направлять в Китай учеников. С тех пор миссия становится не только своего рода дипломатическим представительством России в Китае, но и учебным центром практического изучения китайского, маньчжурского и других языков Китая и соседних с ним стран. За это время в миссии побывало более 60 студентов, врачей, художников и около 100 священнослужителей, а сама миссия стала колыбелью российского китаеведения.

Город Кяхта становился центром российско-китайской торговли. Через него шли караваны с чаем, пушниной, шелками, существовал даже «кяхтинский язык» – особый русский язык, который использовали китайцы при торговле: слова в основном были русскими, а грамматика и строй речи – китайскими. В 1730 году напротив Кяхты на китайской стороне возникает городок Маймачен – дословно «торговое поселение» или «город купи-продай», а в 1792 году в Кяхту была переведена таможня из Иркутска, что сразу же стимулировала торговлю через эту территорию.

Россия и Китай также решили разграничить свои интересы в центральной Азии, в результате чего в 1851 году в городе Кульдже был подписан договор. Кульджинский договор территориально разграничивал сферы торгово-экономического влияния России и Китая в Восточном Туркестане. В соответствии с Кульджинским договором товары обеих сторон взаимно освобождались от уплаты таможенной пошлины. Русские купцы получили право ввозить товары в китайские города Кульджу и Чугучак, торговать там и иметь постоянное подворье со складами. В этих же городах были открыты русские консульства, занимавшиеся вопросами русско-китайской торговли.

Дальнейшие события были связаны с заметным ослаблением Китая в результате опиумных войн и разделением Китая на сферы влияния западными странами. На этом фоне Россия подписывает с Китаем новый Айгуньский договор (1858), который фактически пересматривал условия Нерчинского договора, прежде всего в части, касающиеся границы. По новому договору левый берег Амура от реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения Усури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы. Плавание по Амуру, Сунгари и Усури было разрешено только российским и маньчжурским судам и запрещено всем остальным.

В 1860 году эти условия были еще больше расширены Пекинским договором («Пекинский трактат»), по которому к России отходило Приморье. Как следствие этих событий на Дальнем Востоке России создают ряд новых поселений, которые быстро превращаются в процветающие города, куда приезжают не только русские, но и многие иностранцы, – в том числе Владивосток и Хабаровск.

Российская империя в период завоевания Азии

Идея укрепления позиций России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке претерпела радикальные изменения в 1880-х годах. Александр III (1881–1894) и его ближайшие советники были убеждены, что

интеграция приобрела новую актуальность в свете роста региональных настроений и возможности возобновления стремления Китая вернуть территории, утраченные им по Пекинскому договору. В руках министра финансов графа Сергея Витте эта политика приобрела амбициозные масштабы. Строительство Транссибирской магистрали, начатое в 1891 году, но планировавшееся задолго до этого, должно было обеспечить связь и транспортное сообщение между Сибирью и центром. Это стимулировало бы производство железа и стали в России, а также ускорило бы заселение региона и способствовало бы цивилизаторской миссии. Предложение Витте о продлении линии через Маньчжурию с соединением с Владивостоком (Китайско-Восточная железная дорога) способствовало бы экономическому проникновению России в северные районы приграничных территорий Китая. Однако оккупация Россией Маньчжурии во время Боксерского восстания, или Ихэтуаней (1900), и более агрессивная политика проникновения в Корею, возглавляемая группой людей, близких к новому царю Николаю II, разозлили японцев, с которыми Витте пытался договориться о разделе Маньчжурии и Кореи на сферы влияния.

Влияние России в Азии быстро росло. На этом фоне в 1873–1904 годах султанат Аче в Индонезии неоднократно обращался с просьбой принять его в русское подданство, а русские суда неоднократно заходили в порты Явы и Суматры. При этом Россия в Индонезии активно торговала с Батавией через Голландские, немецкие и английские компании, таким образом была частью большого распределенного колониального рынка.

Изменились и отношения с Японией: обе страны стали оспаривать контроль над Маньчжурией и Кореей, которые формально были частью Китая, но из-за ослабления Цинский Китай уже не мог контролировать эти территории. Переговоры о разграничении влияния между Россией и Японией в 1901–1903 годах зашли в тупик, и Япония в 1904 году разорвала дипломатические отношения с Россией. В результате русско-японской войны 1904–1905 годов Россия потерпела поражение, и 23 августа (5 сентября) 1905 года был заключен Портсмутский мирный договор, по которому Россия признавала Корею сферой интересов Японии, передавала Японии южную часть Сахалина, аренду портов Дальний и Порт-Артур, а также южную часть Китайско-восточной железной дороги (КВЖД).

Важнейшей частью продвижения России на восток и закрепления ее в этом регионе стала Транссибирская магистраль. Россия начала строительство Транссибирской магистрали в 1891 году и сооружала ее до 1916 года, что впервые обеспечило ей относительно простой доступ к Сибири и прилегающим территориям. Частью этого строительства стало сооружение КВЖД, которая пролегла до Хабиба, Порт-Артура и Дальнего (этот участок назывался Южно-Маньчжурской железной дорогой)

Поражение России в войне с Японией (1904–1905) имело серьезные последствия во внутренней политике, послужив одним из толчков к революции 1905 года, но лишь ненадолго приостановило замыслы расширения присутствия России в Азии. Растущая мощь Японии бросала вызов российской политике в Китае в течение следующих четырех десятилетий. Однако в период с 1907 по 1917 год российские государственные деятели

вернулись к политике Витте, который солидаризировался с Японией, чтобы разделить северо-восточную Азию на сферы влияния, начиная с Синьцзяна, где русские имели свободу действий, через Монголию, Маньчжурию и Корею. Эти договоренности были частью общей политики России, как заявил министр иностранных дел А. П. Извольский, «гарантировать безопасность России по всей протяженной линии от дальневосточных границ до европейских рубежей путем заключения целого ряда соглашений». Накануне Первой мировой войны российское экономическое и политическое влияние в северной части китайских приграничных территорий было максимально велико.

Хотя россияне считали Сибирь азиатским регионом, они расходились во мнениях относительно того, что это означает для будущего региона. Одни группы подчеркивали ее обособленность. Другие описывали ее как пространство взаимодействия народов, пересекающих воображаемую линию Урала, – казаков, купцов, охотников, крестьян, политических ссыльных и каторжников в одном направлении, кочевых народов – в другом.

Поиски Востока в себе

Восток как пространство для приложения интеллектуальных усилий всегда интересовал русскую интеллигенцию, дипломатов, путешественников. И здесь мы должны разделить научно-практический интерес, представленный дипломатами, администраторами и учеными, и интеллектуально-познавательный, представленный писателями и другими творческими людьми. Безусловно, в реальной жизни эти две категории пересекались, но подходы могли быть разными. В мире представителей первого течения рождается такая область знаний, как востоковедение и его разделы: китаеведение, японистика, арабистика и многие другие. Оно базировалась на попытках методично и системно оценить Восток, изучить восточные языки, историю, нравы, традиции, политику, экономику.

В период реформ Александра I в 1803 году Академия наук приняла новый регламент, а в 1804-м был издан первый общий устав российских университетов, включивший преподавание восточных языков в разряд учебных дисциплин. Специалистов по Востоку было в тот период немного, и преподавание востоковедных курсов не сразу стало регулярным и непрерывным, именно в первой половине XIX века самостоятельная школа отечественного востоковедения заявила о себе наравне с европейской. Постепенно востоковедение стало преподаваться в Казанском, Петербургском, Московском университетах, возникли отдельные языковые школы в Чите, Иркутске и других городах. Первоначально надо было решить вопрос подготовки дипломатов и переводчиков, поэтому в основном востоковедение преподавались в рамках филологического и исторического направления, параллельно собирались библиотеки азиатской литературы, разрабатывалась учебники грамматики азиатских языков; как следствие, приходилось переосмысливать понятия восточной культуры и философии. Уже позже большую роль стало играть изучение политических и экономических процессов. В XX веке на этой основе открывается ряд крупнейших

исследовательских и учебных заведений востоковедения: Восточный факультет СПбГУ, Институт Стран Азии и Африки МГУ, Институт Восточных рукописей РАН (первоначально – Азиатский музей), Институт востоковедения РАН и многие другие. Таким образом востоковедение в России стало важной научной и прикладной дисциплиной.

Другое направление было представлено писателями, художниками, философами и другими творческими людьми: для них Восток был либо идеальным пространством, либо точкой столкновения с другой культурой, вечно «чужим» и пугающим.

Важное место в осмыслении Востока в России занимал ориентализм – культурное явление, которое осмысляло Восток в рамках художественного, литературного, поэтического творчества, при этом нередко намеренно искажая «восточные мотивы», чаще всего приукрашая Восток, приписывая ему излишнюю пышность, загадочность, мистицизм. Таким образом это было не столько изучение Востока, сколько использование восточных мотивов, «восточного декора» для переосмысления многих русских и, в целом, западных понятий. Восток многих интересовал не столько как предмет для тщательного и глубокого научного изучения, сколько как отражение «иного» внутри себя, сопоставление с некой неизведанной, но влекущей своей красотой культурой и размещение в некоем виртуальном «восточном пространстве» своих чаяний и образов, которые казались идеальными и вдохновляющими.

Ориентализм был характерен для всей западной культуры XIX–XX веков и был частью «увлечения Востоком». Многие композиторы и писатели включали восточные сюжеты в свое творчество, например повествования Р. Киплинга об Индии, опера Д. Верди «Аида», картины Э. Делакруа. Причем в большинстве таких произведений Восток представлялся загадочным, чарующе-мощным, напоенным мудростью, грацией и эстетикой.

В России ориентализм явным образом проявляется в архитектуре и даже парковом искусстве. Например, в конце 1750–1768 годов на территории Петродворца был построен Китайский дворец по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди. И хотя его общая архитектура была вполне европейской (голландской), внутри ряд помещений был декорирован в духе китайской эстетики. В 1850–1853 годах архитектор И. А. Монигетти, вернувшийся из путешествия в Стамбул, построил на берегу Царскосельского пруда павильон «Турецкая баня» в виде мечети с минаретом.

Психологически российские интеллектуалы не считали Россию частью Азии, но с большой радостью могли как наслаждаться восточными мотивами, так и живо интересоваться азиатской жизнью, преломляя ее в своем творчестве, и в этом смысле Восток всегда присутствовал в российской мысли. Многие писатели отдавали дань восточным мотивам, в том числе А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. В. Куприн, П. П. Кончаловский, С. А. Есенин, Л. Гумилев

Интерес к истории, философии и методам управления Китая становится частью интеллектуальной жизни России в XVIII веке – здесь Россия следует за европейской модой. Общество испытывает большой интерес к

трудам миссионеров, к китайской архитектуре и искусству. Широкое распространение получает стиль шинуазри (*chinoiserie*). Екатерина II особым указом повелевает перевести Уголовное уложение Цинов, которое было опубликовано в переводе с маньчжурского, сделанном Алексеем Леонтьевым (1716–1786) в 1781–1783 годах. Его усилиями были выполнены и выдержали по несколько изданий переводы и переложения китайской классики: «Китайские мысли» (1772, 1775, 1786), «Депей-китаец» (1771, 1772), «Да сию, то есть Учение великое» (1780), «Джун юн, то есть Закон непреложный» (1784), «Букварь китайский» (1779) и другие.

Российская творческая интеллигенция также воспринимала Восток как культурное, а не как географическое или экономическое явление. Это прежде всего было неким «зеркалом», где отражалось либо нечто абсолютно чуждое, даже порою враждебное, либо наоборот нечто очень близкое, практически родное. Ряд представителей русской интеллигенции видел в Востоке схожесть с переживаниями русской души, ее стремлением к свободе и необходимостью подчиняться власти вышестоящих. Это тенденцию мы можем обозначить как «сближение». Более того, Восток рядом писателей воспринимался как идеальное пространство, где жили мудрецы, разумные правители и трудолюбивые люди. Одним из таких писателей был Лев Толстой, который видел на Востоке и прежде всего в Китае исток мудрости и считал, что многие христианские идеи блики к конфуцианству и даосизму.

Толстой видел в китайской религиозной мысли идеал гармонии, призыв «к освобождению от всякой человеческой власти (конфуцианству), неделания другому, чего не хочешь, чтобы тебе делали (таосизму), самоотречения и смирения и любви ко всем людям и ко всем существам (буддизму)». В своем «Письме к китайцу», написанному в форме обращения к китайскому писателю Гу Хунмину, приславшему Толстому свои книги, он сопереживал китайцам, угнетаемым европейскими народами: «вижу проявление в Китае духа борьбы, желания силою дать отпор злодеяниям, совершаемым европейскими народами» (Толстой, 1907). И это есть еще одна модель подхода к восточному народу: сопереживание, эмпатия, способность разделять идеалы. Как писал Л. Толстой,

мне думается, что назначение восточных народов Китая, Персии, Турции, Индии, России и, может быть, Японии (если она еще не совсем увязла в сетях разврата европейской цивилизации) состоит в том, чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой... на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, то есть деятельности, соответствующей с вечным основным законом жизни человеческой (Толстой, 1907).

Восточные народы, по мнению Толстого, находятся в «особо счастливых условиях», так как «не потеряв веры в обязательность высшего закона Неба или Бога, они стоят на том распутье, с которого европейские народы давно уже свернули на тот ложный путь, с которого освобождение от человеческой власти стало особенно трудно» (Толстой, 1907).

Мы видим глубокую идеализацию восточной мысли и образа жизни – по сути, это стремление обрести пространство идеала, где все пребывает в гармонии, пускай и вне абсолютной справедливости.

Идея Толстого – общность мыслей и сопереживания русского человека, с одной стороны, и китайцев индийцев и других азиатских народов – с другой. В «Письме к индусу» (1908) он сообщает: «Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы..., а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одуренного религиозными и научными суевериями, истины, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающей высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству» (Толстой, 1911).

Это сопереживание, «незлобивость» как модель поведения также сближала народы, так, Дмитрий Иванович Менделеев писал: «Русские по природе уживчивы, миролюбивы, как сами китайцы» (Менделеев, 2021).

Другая концепция: отторжение, страх, ощущение чего-то другого, абсолютно чужого. На этой волне появляется тезис о «желтой угрозе» – часто иррациональный страх перед тем, как азиатские народы, прежде всего китайцы, заполняют российский Дальний Восток. А полушутливое выражение «война с Китаем» в кругах русской интеллигенции воспринималось как отражение некоего вечного противостояния неизвестному. Как писал Иван Крылов в басне «Три мужика» (1830): «Есть слух – война с Китаем. / Наш батюшка велел взять дань с китайцев чаем» (Крылов, 1982).

И хотя даже исторически китайцев и других представителей стран Азии на российском Дальнем Востоке было крайне мало по сравнению с русским и местным населением, тем не менее, даже сегодня эти опасения «чужого» присутствуют на подсознательном уровне.

Восток воспринимается как вызов русской культуре, и это хорошо видно в словах поэта и философа Владимира Соловьева («Панмонголизм», 1894): «От вод малайских до Алтая / Вожди с восточных островов / У стен поникшего Китая / Собрали тьмы своих полков. / О Русь! Забудь былую славу: / Орел двуглавый сокрушен, / И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен» (Соловьев, 1974).

Эту же идею чего-то чужого и опасного, что идет с Востока, можно видеть и у Федора Достоевского. Он в противоположность «сопереживаниям» Толстого воспринимал Китай и Восток в целом как нечто отдаленное и максимально враждебное в своей непонятности – это было вечно «другое». Но Достоевский же считал, что и Россия является столь же отделенной, «чужой», вечно непонятой для иностранцев – причем значительно более загадочной, чем любая страна Азии:

Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую минуту и даже, может быть, еще очень долго в будущем... Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно, придем к тому же концу, но когда? (Достоевский, 2020)

В XVIII веке Сибирь и Дальний Восток представлялась как территория неиспользованных природных ресурсов и источник огромного богатства. Но в XIX веке поток ссыльных изменил это представление, предста-

вив Сибирь как огромную тюрьму. К концу империи взгляды российских чиновников колебались между опасениями и стремлениями: опасения, что сепаратизм приобрел политический характер, что привело к росту сибирского национализма, в противовес стремлениям превратить Сибирь в модель будущего развития для империи в целом.

В конце XVIII – начале XIX века в период переосмысления своей истории и активного продвижения России на Восток для части русской интеллигенции остро встал вопрос о присутствии «азиатского» в русской культуре. Историк Николай Карамзин (1766–1826) видел именно в азиатской связке один из истоков возвышения Московского царства («Москва же обязана своим величием ханам»), подчеркивая, что русские цари заимствовали самодержавный стиль правления у монгольской политической традиции. А. С. Пушкин, наоборот, указывает на свою уникальную идентичность через противопоставление другим, в том числе и азиатским народам: «Ни араб, ни турок я, / За учтивого китайца, / Грубого американца / Почитать меня нельзя» (Пушкин, 1937). Однако «азиатчина» в культурном плане становится для многих вызовом устоявшимся нравам и надоевшим привычкам, почти зовом революции, подтверждением правильности незападной «инаковости». И именно на этом фоне звучат строфы Александр Блока, провозгласившего: «Да, скифы мы, да азиаты / С раскосыми и жадными очами...» (Блок, 1918).

Сближение России с Азией захватило умы ряда консервативных кругов конца XIX века, так как позволяло утверждать свои, незападные взгляды. Так, газетные издатели князя Эспер Ухтомский и Владимир Мещерский идентифицировали себя с Востоком, отвергая западный материализм и либерализм. На этом же фоне развивается увлечение восточной философией и мистикой, появляются такие духовные проповедники и оригинальные философы, как Елена Блаватская (1831–1891), Георгий Гурджиев (1866–1949), Константин Рерих (1874–1947), возникают ориенталистские духовные учения типа теософии, агни-йоги, а в последней четверти XX века это приобретает формы увлечения восточными культами и искусствами: японским дзэн-буддизмом, японской и китайской чайной церемонией, ушу, каратэ, айкидо, цигун, тайцзицюань, восточными практиками медитации и логическими упражнениями.

Другое направление философской и политической мысли еще с XIX века начинает развивать идеи о «евразийстве» – обнаружении в российской культуре элементов Европы и Азии. Ветвью этого течения стала идея начала XX века о том, что Россия представляет особый, «евразийский» континент, сочетая в себе элементы Азии и Европы. Истоки евразийства лежат в славянофильстве, которое пыталось выявить самобытность русской культуры, и первично оно опиралось на идеи С. М. Соловьева, В. О. Ключевского о роли природно-географических факторов русской истории и на теорию культурно-исторических типов. Однако в самом евразийстве существует множество течений и форм объяснения российской самобытности. Идеи евразийства активно обсуждаются до сих пор, как в России, так и, например, в Центральной Азии, в то время как

подавляющим большинством народов Восточной и Южной Азии они не воспринимаются и не разделяются.

Россия в Азии в XX веке

В сентябре 1931 года под предлогом незначительного инцидента японские войска, не встречая серьезного сопротивления, начали вторжение в Маньчжурию, и Великие державы не сделали ничего для того, чтобы удержать Японию от вторжения. Китай остался один на один с более сильным и агрессивным противником. В августе 1937 года, примерно через месяц после начала открытого японского вторжения в Китай, был заключен советско-китайский договор о ненападении.

После Второй Мировой войны меняется ситуация в Азии, многие страны попадают в орбиту Советского союза, в том числе Китай, Лаос, Вьетнам, Камбоджа. В 50-х годах Советский Союз оказывает огромную помощь разрушенному войной Китаю, обучая специалистов, строя заводы, создавая новую систему образования и управления страной. В конце 50-х годов отношения между СССР и КНР резко ухудшаются, Пекин выступает с острой критикой «советского гегемонизма», а внутри Китая начинается ряд кадровых «чисток», идеологических антисоветских кампаний и неоправданных экономических экспериментов, самыми масштабными из которых стали Большой скачок (1958–1960) и Великая пролетарская культурная революция (1966–1976). В конце 60-х годов возникает ряд приграничных конфликтов и столкновений.

Восстановление отношений СССР с Китаем начинается в 1989 году после встречи Горбачева и Дэн Сяопина; с тех пор страны вырабатывали новые модели взаимодействия. Сегодня это – стратегическое партнерство в новую эпоху, когда страны разделяют общие точки зрения на многие вопросы регионального и мирового развития.

В 1945 году Корея была разделена на Северную и Южную, при этом СССР не признавал Южную Корею до 1990 года. В 1991 году после распада Советского Союза Республика Корея и Российская Федерация основали дипломатические связи.

Вместе с тем практически вся российская политика, экономика и гуманитарные связи были ориентированы в 1990–2010-х годах в западном направлении. Многие государственные институты, модели образования, экономики были построены по западному образцу, который воспринимался как универсальный и наиболее оптимальный. Транспортные коридоры также в основном развивались в западном направлении, и тот рывок, который предприняла Россия и СССР в восточном направлении, к началу 2000-х годов практически исчез.

Новая восточная политика России и «разворот на Восток»

С 2014 года Россия заметно пересматривает свои формы взаимодействия со странами Азии, что постепенно обрело черты системного подхода, который стал известен как «разворот на Восток». Будучи давно востребованным и правильным по форме, «разворот на Восток» оказался очень

сложным и не до конца проработанным по своему содержанию. Переориентация политики, экономики, гуманитарных устремлений в восточном направлении было призвано восстановить баланс хозяйственных и политических отношений как со своими же восточными территориями, так и со странами Азии. Будучи скорее концепцией, чем четким планом, «разворот на Восток» вызывал ряд вопросов, и его реализация оказалась не столь простой, как предполагалось. Россия не воспринимается восточным сообществом как «азиатская» страна, поэтому, несмотря на совпадение интересов с Китаем, Индией, многими другими партнерами, она самостоятельно выстраивает свои концепции как регионального, так и трансрегионального развития. Здесь же и возникли другие проблемы, связанные с кадровым обеспечением: расширение взаимодействия с Востоком требует подготовки нового поколения специалистов в самых разных областях — от экономики и права до политики и традиций повседневной жизни.

Немалую роль играет и изменение баланса сил в мире, активизация не-западных моделей развития. На евразийском континенте постепенно стало формироваться Большое евразийское партнерство. Это также связано с заметным расширением ШОС, активизацией БРИКС.

Изначально концепция разворота на Восток предполагала усиление азиатского вектора внешней политики страны параллельно с сохранением тесных связей с Европой. Главная идея этого «разворота» заключается в нескольких взаимосвязанных факторах и идеях. Во-первых, это увеличение внимания к восточному вектору российской внешней политики, причем не только расширение торговли с азиатскими соседями, но поиски новых геополитических идей. Во-вторых, это повышение внимания к российским территориям к востоку от Урала, прежде всего к Сибири и Дальнему Востоку, увеличение связанности инфраструктуры, создание высокотехнологических и производственных центров в этом регионе. Это также реализация крупных экономических проектов, создание точек роста, преимущественно экспортоориентированных. Третья, важнейшая часть, заключается в перестройке мышления: Россия развивается не только на Западе, но и на Востоке, это геостратегический и цивилизационный выбор, усиление места Дальнего Востока в обретении Россией новой роли в Большой Евразии.

Таким образом, Россия стала строить новые «ворота в Азию», причем не только развивая дальневосточные города Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, но и вкладывая большие инвестиции в районы Сибири, Бурятии, Тывы. И в этом аспекте большая роль уделяется не только экономической, но и культурной компоненте

Важнейшим партнером на этом направлении остается Китай — страна, с которой у России самая протяженная граница и самый большой объем торговли. Обе страны за последние десятилетия научились хорошо понимать друг друга, причем в области не только торговли, но и стратегических отношений. Вот уже более десятилетия ежегодно Россия и Китай проводят совместные военно-морские или военно-воздушные учения, причем нередко с участием других стран. Страны также разделяют и общие геополитические позиции, например, стремление к бессанкционно-

му, открытому миру, к взаимоуважению, к решению всех проблем исключительно через диалог.

Безусловно, есть и серьезное различия. Например, у каждой страны есть свои глобальные интеграционные инициативы, которые, впрочем, реализуются по-разному. У Китая это – инициатива «Пояс и Путь», масштабный инфраструктурный проект, который давным-давно перерос в систему переноса китайской экономики за рубеж и контроль над логистическими и производственными цепочками по всему миру. Россия, относясь с большим уважением к китайским инициативам, все же развивает свой проект Большого евразийского партнерства, которое в каких-то аспектах является взаимодополняющим с китайскими идеями, но во многих – конкурирующим, так как делает упор не столько на экономику (здесь с Китаем вряд ли возможно соревноваться), сколько на устранение тарифных барьеров, культурные, политические, гуманитарные связи.

А поэтому обе страны начинают измерять свое взаимодействие не только цифрами взаимной торговли или формами инвестиционного сотрудничества, но самое главное – корреляцией общего понимания стратегии будущего развития. Пока существует общий вызов, очевидно, будет существовать и взаимная стратегическая поддержка двух стран, но все же этот вызов – не только и не столько политика США, а общая атомизация трендов мировой политики, потенциальная конфликтность практически во всех областях, критическое падение взаимного доверия. Для Китая, например, такая ситуация означает невозможность расширять экспорт продукции и капиталов. И для Китая за последние пару лет стало ясно, что нынешняя ситуация – это не просто временные экономические сложности, которые можно решить путем переговоров, а системное наступление на все те достижения, которых Китай добился за последние десятилетия, и, как следствие, надо менять стратегию партнерства.

В российской политике активный китайский вектор возник отнюдь не после того, как США методично стали оказывать давление на обе страны, – американские санкции лишь придали новую платформу для этого сближения. Очевидно, что обе страны были озабочены попытками создать ощущение вторичности их мнения в мировой политике, обе страны в силу исторического самосознания не способны жить в чужой модели развития. Итак, мы видим глубокое совпадение интересов (и обид, и идей, и опасений), которые разделяют обе страны.

Китай также за последние годы ощутил, что просто рост его экономической мощи не способен полностью предотвратить все риски: практически полная блокировка китайских инновационных технологий на западных рынках поставила под вопрос целый ряд китайских программ технологического лидерства, а методичное создание антикитайской коалиции со стороны США наносит и удар по имиджу Китая.

Происходит стратегическая диверсификация отношений: многие области сотрудничества, которые считались крайне чувствительными и затрагивали национальную безопасность, также оказались открыты для взаимодействия. Например, Россия и Китая собираются создавать совместную лунную станцию. Обе страны вышли на новый и в известной степени

уникальный формат военно-политических отношений без создания формального военного союза, но с регулярным проведением военных учений с глубокой степенью интеграции на уровне отдельных подразделений и управления войсками.

Очевидно, что обе страны имеют механизмы поддержания новых форм цифровой валюты и полного перехода в расчетах «мимо доллара», что, по сути, может создать положительную альтернативу мировой банковско-финансовой системе. Стали более сложными механизмы энергетического сотрудничества, которые сегодня заключаются не только в продаже российских энергоресурсов в Китай, но и в организации совместных производств и добычи.

Еще одно важнейшее направление на российско-китайском треке – банковская и финансовая система. Сегодня речь идет не об отказе от доллара в пользу прямых расчетов по схеме «рубль-юань», а о создании новой совместной наднациональной валюты для трансграничных платежей между Россией и Китаем.

Другой важный момент – создание системы торговли в рамках ЕАЭС и системы «Пояс и Путь». Такая система не будет зависеть от санкций. Она предполагает отсутствие тарифных барьеров и упрощенную систему таможенных коридоров. На выходе мы получаем удешевление продукции. Правда, для этого нашей стране придется серьезно вложиться в создание новой транспортной инфраструктуры и модернизацию нынешней. Элементами интеграции логистических цепочек должны стать международные транспортные коридоры «Приморье-1» (Харбин – Гродеково – Владивосток/Находка/Восточный – порты Азиатско-Тихоокеанского региона) и «Приморье-2» (Хуньчунь – Краскино – Посьет/Зарубино – порты АТР). Проект их развития включен в программу российско-китайского сотрудничества на 2018–2024 годы.

Развиваются и гуманитарные связи между Россией и странами Азии. Так, в Китае с 2013 года работает совместный российско-китайский университет МГУ–Пекинский политехнический университет в Шэньчжэне, развиваются академические и студенческие обмены с Вьетнамом, Индонезией, Иорданией, Египтом.

Но есть и нечто больше, чем торговля и интересы. Страны обнаружили ряд общих фундаментальных культурных ценностей, которые, как представляется, и начинают составлять платформу для стратегического взаимодействия: и Россия, и Китай считают приоритет государственных интересов краеугольным камнем выстраивания всей политики, страны трепетно относятся к национальной и исторической памяти, к пониманию политического лидерства. Но это же создает и внутренний конфликт в этой стратегической стабильности: огромный импульс к защите национальных интересов может создавать и точки «разрыва» на горизонте в пару десятков лет. Китайские эксперты прекрасно осознают, что исторически и культурно Россия все же тяготела к Западу, а не к Азии, у самого Китая также есть традиция самостоятельного решения ряда общих вопросов. Пока нынешнее поколение ведущих политиков и дипломатов России и Китая обладает навыком перешагивать через конъюнктурные сообра-

жения ради глобальных целей, беспокоиться не о чем; важнее смотреть на поколения будущего.

В целом же сегодняшние процессы на мировой арене являются продолжением антиколониальной борьбы. Хотя официально колониализм умер в 60-е годы прошлого века, тем не менее и сегодня он остается определяющим и в торговле, и в политике. Новая же система, над созданием которой сейчас работают Россия, КНР, Индия, многие страны Азии, должна обеспечить равный доступ к знаниям, технологиям и информации.

Восточное направление России очевидно будет приобретать все большее значение в ближайшие десятилетия. От абстрактных моделей Россия переходит к новым формам многостороннего сотрудничества, в том числе в области энергоносителей, информационных технологий, науки и образования, строительства новых логистических путей. Российский Дальний Восток – исторически сформировавшаяся часть России, интегральная часть ее культуры. Это также веками складывавшаяся граница с народами других цивилизаций. Столетия назад, «выдвинувшись» на восток, Россия получила важнейший ресурсный, политический и экономический рычаг для своего развития в будущем, и сегодня наступает время привести его в действие. Но прежде должно произойти осознание глубочайшей самобытности российской культуры, чтобы видеть в Востоке не «чужого» или, наоборот, «похожего», а огромное разнообразие самых разных культур, подходов и экономик, к которым надо подходить рационально, отставив национальные интересы, и учиться поддерживать равный и взаимовыгодный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. А. (1918). Двенадцать. Скифы. СПб.
- Достоевский Ф. М. (2020). Что есть Россия? Дневники писателя. Алгоритм.
- Крылов И. А. (1982). Басни. Драматургия. М.: Правда.
- Менделеев Д. И. (2021). Заветные мысли. О лженауке, химии и будущем России. Родина.
- Пушкин А. С. (1937). Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.: Художественная литература.
- Соловьев В. С. (1974). Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель.
- Толстой Л. Н. (1907). Письмо к китайцу. Китайская мудрость: мысли китайских мыслителей, собранные Л. Н. Толстым. М.: Посредник.
- Толстой Л. Н. (1911). Письмо к индусу // Толстой Л. Н. Не могу молчать! СПб.: Ясная поляна. С. 37–39.

Russia in the East

Alexey Maslov

Doctor of Letters (History), Professor, Director.

Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University (Moscow).

11 Mokhovaya str., building 1, Moscow, 125009, Russian Federation.

E-mail: amaslov@iaas.msu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of relations between Russia and the East in history and modernity. The work provides a detailed historical outline of the eastern direction of Russian policy – in terms of both the integration of the eastern lands to the Russian state, and the building of trade, diplomatic, and political relations with eastern countries, primarily with China and Japan. The article examines the perception of the East by Russian intellectuals of the 18–20th centuries, including the problem of awareness of Russian identity. The article analyzes current relations between Russia and the East, in particular, relations with China. It is concluded that for the successful development of the eastern direction of politics, there must be an awareness of the deepest identity of Russian culture, necessary in order to see in the East not “alien” or, conversely, “similar”, but a huge variety of different cultures, approaches and economies, which must be approached rationally, defending national interests. That is why it is necessary to learn to maintain an equal and mutually beneficial dialogue.

Keywords: Russia, the East, the Russian history, Oriental studies, China

For citation: Maslov A. A. (2024). Russia in the East // *Patria*. Vol. 1. No. 3. P. 52–74.

doi: 10.17323/3034-4409-2024-1-3-52-74

REFERENCES

- Blok A. A. (1918). *Dvenadcat' Skify* [The Twelve. The Scythians], Saint Petersburg.
- Dostoevskij F. M. (2020). *Chto est' Rossiya? Dnevnik pisatelja* [What is Russia? The Diaries of the Writer], Algoritm.
- Krylov I. A. (1982). *Basni. Dramaturgija* [Fables. Drama], Moscow: Pravda.
- Mendelev D. I. (2021). *Zavetnye mysli. O lzhenauke, himii i budushhem Rossii* [Cherished Thoughts. About Pseudoscience, Chemistry, and the Future of Russia], Rodina.
- Pushkin A. S. (1937). *Sobranie sochinenij: v 16 t. T. 1. Licejskie stihotvorenija* [Collected Works: in 16 volumes. Vol. 1. Lyceum poems], Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Solov'jov V. S. (1974). *Stihotvorenija i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays], Leningrad: Sovetskij pisatel'.
- Tolstoj L. N. (1907). *Pis'mo k kitajcu. Kitajskaja mudrost': mysli kitajskih myslitelej, sobrannye L. N. Tolstym* [A Letter to the Chinese. Chinese Wisdom: The Thoughts of Chinese Thinkers collected by L. N. Tolstoy], Moscow: Posrednik.
- Tolstoj L. N. (1911). *Pis'mo k indusu* [A Letter to the Hindu]. Tolstoj L. N. *Ne mogu molchat'!* [I Can Not Keep Quiet!], Saint Petersburg: Jasnaja poljana, pp. 37–39.